

УДК 94(47).084.3:929

EDN JWOFHS

Научная статья

<http://centrniign.ru>

ISSN 2307-5775 (Print)

«ВОЙНА И МИР» МИХАИЛА АРТЕМЬЕВИЧА МУРАВЬЁВА: МОСКВА – РУЗАЕВКА – СЫЗРАНЬ (13 – 20 ИЮНЯ 1918 г.)

Часть 1

Е. О. Наумов

Научно-исследовательский институт гуманитарных наук
при Правительстве Республики Мордовия,
г. Саранск, Россия
naumoveo@mail.ru

Аннотация

В статье анализируется первый этап военно-организационной деятельности командующего Восточным фронтом М. А. Муравьёва — одного из самых противоречивых руководителей Красной армии в годы Гражданской войны в России 1917 — 1922 гг. Источниковой базой исследования послужили впервые вводимые в научный оборот документы из Российского государственного военного архива (РГВА). Изучение указанных материалов осуществлялось при помощи общенаучных (анализ, синтез, дедукция, индукция) и исторических (описательный, историко-генетический, историко-сравнительный, историко-системный) методов. В результате были сделаны следующие выводы. В течение первой недели пребывания в должности командующего Восточным фронтом М. А. Муравьёв на базе различных «фронтов», групп и направлений наметил создание первых трех армий (1, 2 и 3-й), а также приступил к комплектованию штабов некоторых из них квалифицированными военными специалистами. Кроме того, при помощи частей и подразделений 1-й армии 18 — 20 июня 1918 г. он предпринял попытку захватить потерянную несколькими днями ранее Сызрань. Несмотря на неудачное завершение наступательной операции, М. А. Муравьёв на примере войск одного боевого участка получил не самое позитивное представление о Красной армии, которую необходимо было срочно реорганизовывать.

Ключевые слова: Гражданская война, Красная армия, Восточный фронт, Среднее Поволжье, Михаил Артемьевич Муравьёв, Революционный военный совет

Для цитирования: Наумов Е. О. «Война и мир» Михаила Артемьевича Муравьёва: Москва — Рузаевка — Сызрань (13 — 20 июня 1918 г.). Ч. 1. // Центр и периферия. 2024. Т. 19, № 3. С. 91 — 103. EDN JWOFHS

10 июля 1918 г. многие начальники частей и подразделений армий Восточного фронта, которые в тот момент участвовали в наступательной операции против антибольшевистских войск Народной армии Комуча, получили странную телеграмму. В ней содержались информация о заключении Советской Россией мира с противником, объявлении войны Германии, с которой еще 3 марта 1918 г. был подписан мирный договор, а также приказ о снятии воинских формирований с передовых позиций и отправке их в западном направлении. Телеграмма была подписана командующим Восточным фронтом М. А. Муравьевым, который в ту же ночь был убит в г. Симбирске во время переговоров с членами местного губисполкома. Измена М. А. Муравьева, следствием которой, по мнению многих современников и историков, стали деморализация Красной армии и захват неприятелем Симбирска 22 июля 1918 г., является одним из важнейших событий начального периода Гражданской войны в России. Как справедливо отмечал А. А. Симонов, в историографии вряд ли найдется посвященная данной теме работа, где бы не упоминалась фамилия М. А. Муравьева [9, с. 31]. Однако его организационной деятельности, продолжавшейся почти месяц, как правило, уделялось мало внимания. В советской историографии утверждалось, что в указанной области М. А. Муравьев либо бездействовал, либо намеренно занимался вредительством и параллельно готовил переворот. Лишь относительно недавно стали появляться работы, где на основе архивных материалов был сделан вывод о том, что мероприятия М. А. Муравьева по созданию Красной армии на Восточном

М. А. Муравьев

M. A. Muravyev

(URL: <https://www.photowar.com>)

фронте в основном носили позитивный характер [2; 6; 9], а антибольшевистское выступление в Симбирске 10 — 11 июля 1918 г. было предпринято, скорее, по личной инициативе спонтанно, а не в результате масштабного заговора [3; 10]. Несмотря на это, в архивах до настоящего времени хранится достаточно большое количество документов, анализ которых позволяет существенно дополнить уже имеющуюся информацию о вкладе М. А. Муравьева в формирование вооруженных сил Советского государства на начальном этапе Гражданской войны в России 1917 — 1922 гг.

Михаил Артемьевич Муравьев родился 13 (25) сентября 1880 г. в д. Бурдуково Варнавинского уезда Костромской губернии в крестьянской семье. Окончил учительскую семинарию и Казанское пехотное юнкерское училище (1901). Принимал участие в Русско-японской (1904 — 1905) и Первой мировой (1914 — 1917) войнах, прошел путь от поручика до подполковника. После Октябрьской революции перешел на сторону большевиков. В конце октября 1917 г. успешно командовал отрядами, действовавшими против сил А. Ф. Керенского и П. Н. Краснова, которые наступали на г. Петроград. С конца декабря 1917 г. М. А. Муравьев занимал должность начальника штаба Южной группы советских войск на Украине. С 14 февраля 1918 г. осуществлял руководство вооруженными силами Одесской советской республики. В середине апреля был арестован за превышение власти во время пребывания на Украине. Однако 9 июня дело М. А. Муравьева «за отсутствием состава преступления» было прекращено¹.

Мятеж Чехословацкого корпуса. Карта

The mutiny of the Czechoslovak Corps. Map

(URL: <https://topwar.ru/143543-obrazovanie-vostochnogo-fronta.html>)

¹ Россия в Гражданской войне. 1918 — 1922: энцикл.: в 3 т. М., 2021. Т. 2. С. 520 — 521.

Между тем в конце мая 1918 г. в нескольких городах Поволжья, Приуралья и Сибири вспыхнуло антибольшевистское выступление Чехословацкого корпуса, подавлением которого в течение двух недель безуспешно занимался находившийся в Сызрани командующий Чехословацким фронтом А. Ф. Мясников, назначенный на указанную должность приказом народного комиссара по военным делам Л. Д. Троцкого от 30 мая². Несмотря на то что юридически ему подчинялись все воинские формирования, действовавшие на столь огромной территории, фактически он управлял лишь небольшой группой отрядов в районе Сызрань — Симбирск, впоследствии получившей в документах название «Западный Чехословацкий фронт». Частями и подразделениями Красной армии, расположенными в Заволжье, Приуралье и Сибири, которые условно составляли Восточный Чехословацкий фронт, распоряжался обосновавшийся в г. Уфе председатель Высшей военной инспекции (ВВИ)³ Н. И. Подвойский. К моменту начала мятежа он вместе со штабом занимался проверкой работы военных комиссариатов в Поволжье и, пользуясь своими полномочиями члена Высшего военного совета⁴, начал отдавать по войскам приказы от имени центрального командования. Прежде всего Н. И. Подвойский подчинил себе базировавшегося в г. Самаре командующего Урало-Оренбургским фронтом В. В. Яковлева (настоящее имя — К. А. Мячин). Указанное воинское объединение было создано 14 мая 1918 г. для борьбы с уральскими и оренбургскими казаками, однако вскоре переориентировалось на подавление выступления Чехословацкого корпуса⁵. Так, В. В. Яковлев вместе со штабом фронта участвовал в организации обороны Самары, которая, тем не менее, была захвачена чехами 8 июня 1918 г.⁶ В состав Урало-Оренбургского фронта, в свою очередь, входил созданный 25 мая 1918 г. Оренбургский фронт под командованием Г. В. Зиновьева⁷. Кроме того, под начальством Н. И. Подвойского находился член ВВИ Р. И. Берзин, который управлял войсками, оперировавшими в районе городов Екатеринбург — Омск — Челябинск. Для объединения указанных вооруженных сил 13 июня председателем СНК В. И. Лениным и народным комиссаром по военным делам Л. Д. Троцким было подписано постановление о создании Революционного военного совета (РВС), в распоряжение которого переходили все части и подразделения, занимавшиеся разоружением Чехословацкого корпуса. В состав данного органа вошли Главнокомандующий М. А. Муравьев,

*П. А. Кобозев.
Забайкальский краевой
краеведческий музей
P. A. Kobozev.
Zabaikalsky Regional
Museum of Local Lore*

*Г. И. Благонравов
G. I. Blagonravov
(URL: https://www.ria1914.info/index.php/Офицеры_русской_императорской_армии)*

председатель РВС П. А. Кобозев и политический комиссар Г. И. Благонравов⁸. Формально указанным документом провозглашалось образование единого Восточного фронта. Однако официально представленное название появилось позднее.

Деятельность М. А. Муравьева можно условно разделить на несколько периодов. Учитывая тот факт, что Главнокомандующий не имел привычки сидеть в штабе и руководить войсками удаленно, предпочитая постоянно передвигаться по наиболее опасным участкам, где велись боевые действия, при определении структуры исследования был выбран географический критерий. Первые распоряжения, касавшиеся положения на Восточном фронте, были сделаны М. А. Муравьевым еще в г. Москве буквально на следующий день после назначения на новую должность. Поэтому логично назвать первый период московским. Прежде всего Главнокомандующий принял решение унифицировать систему управления войсками Восточного фронта путем переименования отдельных «фронтов» и направлений в армии, подчиненные исключительно РВС. Похожая работа параллельно проводилась в г. Екатеринбурге, где 14 июня войска, находившиеся в распоряжении Р. И. Берзина, были сведены Н. И. Подвойским в Северо-Урало-Сибирский фронт⁹. В тот же день Р. И. Берзин получил от М. А. Муравьева, П. А. Кобо-

² РГВА (Российский государственный военный архив). Ф. 1. Оп. 2. Д. 28. Л. 23.

³ Высшая военная инспекция (ВВИ) — орган военного управления, предназначавшийся для инспектирования строительства частей и учреждений Красной армии.

⁴ Высший военный совет (ВВС) — высший оперативный орган управления вооруженными силами РСФСР весной — летом 1918 г.

⁵ Директивы Главного командования Красной армии (1917 — 1920). М., 1969. С. 794.

⁶ Троцкий В. В. Революция 1917 — 1918 гг. в Самарской губернии: (хроника событий): в 2 т. Самара, 1929. Т. 2. С. 95.

⁷ Директивы Главного командования Красной армии (1917 — 1920). С. 794.

⁸ Декреты Советской власти: в 18 т. М., 1959. Т. 2. С. 429 — 430.

⁹ Директивы командования фронтов Красной армии (1917 — 1922): сб. док.: в 4 т. М., 1971. Т. 1. С. 380 — 381.

зева и Г. И. Благоднарова другую телеграмму: «Революционный военный совет постановил назначить Вас командующим 3 Революционной Советской армией, в состав которой входят все войска на Пермско-Екатеринбургско-Челябинском направлениях и Пермско-Екатеринбургско-Ишимском направлениях»¹⁰. 1-ю и 2-ю армии, вероятно, планировалось сформировать из войск, находившихся западнее 3-й армии, т. е. из частей и подразделений Западного Чехословацкого фронта А. Ф. Мясникова (Сызрань — Симбирск), Восточного Чехословацкого фронта Н. И. Подвойского и Урало-Оренбургского фронта В. В. Яковлева (Самара — Уфа — Оренбург). Так, 14 июня в телеграмме, направленной Н. И. Подвойскому, М. А. Муравьев писал, что подчиненные ему Уфимская и Оренбургская группы составят одну из армий, номер которой он обещал сообщить позже¹¹. Вероятно, имелась в виду 2-я армия. Относительно 1-й армии 14 июня указаний не следовало. Во всяком случае, каких-либо документов по данному вопросу пока обнаружить не удалось.

Тогда же М. А. Муравьев отдал первые оперативные приказы, целью которых являлась попытка при помощи имевшихся вооруженных сил приостановить победное наступление неприятеля. Как уже сообщалось выше, 8 июня 1918 г. Пензенская группа Чехословацкого корпуса, которая с конца мая с боями двигалась на восток для объединения с Челябинской группой, захватила Самару и направилась в сторону Уфы. 13 июня командующий Урало-Оренбургским фронтом В. В. Яковлев телеграфировал членам РВС: «Чехи уже в Кротовке. Сообщение Самара — Бузулук прервано. Точно еще не выяснено, будут ли они двигаться на Бузулук. Но движение на Уфу несомненно [и] установлено»¹². Поэтому в телеграмме, направленной в адрес Н. И. Подвойского 14 июня, М. А. Муравьев просил силами Уфимской и Оренбургской групп «принять меры к занятию ст[анции] Кинель», расположенной восточнее Самары, чтобы тем самым заблокировать дальнейшее наступле-

ние противника на восток¹³. Аналогичный приказ в тот же день был направлен в Оренбург: «Составьте сильный отряд. Назначьте энергичного начальника и смело двиньте его на станцию Кинель. Свяжитесь с Уфимской группой войск наркома Подвойского. В Кинель нужно запирайте чехов. К Вам скоро будет назначен командир»¹⁴. Р. И. Берзину М. А. Муравьев рекомендовал продвигаться из Екатеринбурга к г. Челябинску, который еще с конца мая контролировался чехами¹⁵. Примечательно, что Главнокомандующий намеревался остановить неприятеля не только при помощи вооруженных сил Красной армии, но и путем шантажа. 14 июня в адрес Р. И. Берзина, Н. И. Подвойского и В. В. Яковлева членами РВС была направлена следующая телеграмма: «Поставьте в известность руководителей чехословацкого мятежа в Челябинске и Омске, что в случае продолжения их наступления на Екатеринбург в Москве будут расстреляны профессор Макса и член Национального Чешского совета Чермак»¹⁶.

Очевидно, что в сложившихся условиях М. А. Муравьев и члены РВС не намеревались задерживаться в Москве надолго, так как спешили быстрее выехать на передовые позиции. Во время состоявшегося вечером 13 июня разговора по прямому проводу между Р. И. Берзиным и председателем оперативного отдела Народного комиссариата по военным делам (Наркомвоен) С. И. Араловым, который осуществлял общее управление Красной армией внутри страны, последний отмечал, что М. А. Муравьев «сегодня или завтра утром уезжает на фронт»¹⁷. Еще одним доказательством того, что подготовка к поездке происходила в большой спешке, являются записанные 14 августа 1918 г. показания адъютанта М. А. Муравьева А. Д. Логинова, который вспоминал, что на создание штаба Главнокомандующему выделили всего четыре часа. Реакция М. А. Муравьева была вполне логичной: «Что я мог сделать в течение четырех часов? Я только мог собрать свои вещи и только, но не мог сформировать

Л. С. Котляров. Н. И. Подвойский. Открытка. 1964 г.

L. S. Kotlyarov. N. I. Podvoysky. Postcard. 1964

¹⁰ РГВА. Ф. 1. Оп. 3. Д. 42. Л. 28.

¹¹ Директивы командования фронтов Красной армии (1917 — 1922). Т. 1. С. 382.

¹² РГВА. Ф. 106. Оп. 3. Д. 19. Л. 30.

¹³ Директивы командования фронтов Красной армии (1917 — 1922). Т. 1. С. 382.

¹⁴ РГВА. Ф. 10. Оп. 2. Д. 241. Л. 99.

¹⁵ Директивы командования фронтов Красной армии (1917 — 1922). Т. 1. С. 382.

¹⁶ РГВА. Ф. 10. Оп. 1. Д. 121. Л. 104. Прокоп Макса и Богумил Чермак являлись двумя главными членами русской секции Чехословацкого национального совета — организации заграничного сопротивления, созданной с целью решения вопроса о формировании чехословацкого государства, а также армии и флота.

¹⁷ РГВА. Ф. 10. Оп. 1. Д. 121. Л. 95.

штаб»¹⁸. Тем не менее, определенные меры все же были приняты. В суточной информационной сводке Наркомвоена от 14 июня сообщалось: «Для подавления чехословацкого бунта формируется штаб Муравьева, для которого член Высшего военного совета [В. А.] Антонов[-Овсенко] просит командировать семь офицеров Генерального штаба, одного для заведывания оперативным отделом формируемого штаба»¹⁹. Забегая вперед, отметим, что указанного количества высококвалифицированных специалистов М. А. Муравьеву найти в Москве за такой короткий срок не удалось. Однако бывших офицеров Российской императорской армии к работе в штабе Восточного фронта было привлечено достаточно много. О. Ю. Калнин, который впоследствии был назначен на должность политического комиссара 1-й армии, писал, что численность штаба, куда помимо набранных М. А. Муравьевым работников входили политкомы и агитаторы, составила 60 — 70 чел.²⁰

Наиболее важным участком Восточного фронта М. А. Муравьев считал челябинский. Об этом сообщалось 13 июня в разговоре по прямому проводу между Р. И. Берзиным и С. И. Араловым²¹. В телеграмме, отправленной Р. И. Берзину 14 июня, Главнокомандующий также сообщал: «Ваше направление самое главное»²². Неудивительно, что формированию именно 3-й армии члены РВС уделяли особое внимание. В процитированном выше приказе от 14 июня командующему 3-й армией предписывалось «сорганизовать армейский штаб для штабной работы. Прикомандируйте офицеров, обучавшихся в Академии»²³ по соглашению с Начальником Академии. Этих офицеров считать за академией и во временной командировке»²⁴. В другой телеграмме Главнокомандующий также обещал прислать «специалиста генштаба». В эту же армию С. И. Аралов и М. А. Муравьев отправляли подкрепления, боеприпасы и финансовые средства²⁵.

Между тем на Восточном фронте существовали еще два участка боевых действий, которые также нельзя было упускать из виду. Например, командующий Урало-Оренбургским фронтом В. В. Яковлев в телеграмме, направленной в РВС 13 июня, обращал внимание на уфимское направление. По его словам,

*С. И. Аралов
S. I. Aralov*

(URL: https://www.ria1914.info/index.php/Офицеры_русской_императорской_армии)

*В. В. Яковлев
V. V. Yakovlev*

(URL: <https://romanov-center.ru/Personal/Images/yakov.jpg>)

необходимо было как можно быстрее организовать оборону Уфы. Однако ситуация осложнялась присутствием в городе Н. И. Подвойского, который с указанной задачей вряд ли мог справиться [1, с. 40 — 41]. В качестве подтверждения своих слов В. В. Яковлев рассказал о поведении Н. И. Подвойского во время обороны Самары в начале июня 1918 г.: «Многому помешал своими распоряжениями, идущими вразрез с нашими, Подвойский. Он взял на себя руководство всеми операциями. Дал распоряжение Самаре и уехал в Уфу. Таким образом, устранив от руководства меня, взяв все на себя, и уехал в то же время в Уфу, он порвал связь с Самарой, и это ускорило падение Самары»²⁶ [8, с. 54; 11, с. 16]. На этом перечисление недостатков Н. И. Подвойского не закончилось. По словам В. В. Яковлева, «Подвойский отстранил мой штаб от руководства борьбой против чехословаков, взяв это дело на себя. Мне же поручил лишь командование Урало-Оренбургским фронтом. Я ему доказывал, что я должен остаться в Уфе со своим штабом, но он приказал подчиниться и уехать в Бузулук или Саратов. Вот почему я и еду в Саратов ...»²⁷. Неудиви-

¹⁸ Партия левых социалистов-революционеров: док. и материалы. 1917 — 1925 гг.: в 3 т. М., 2017. Т. 2, ч. 3. С. 734.

¹⁹ РГВА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 232. Л. 327.

²⁰ Калнин О. Ю. Борьба на Восточном фронте // Годовщина Первой революционной армии: юбилейн. сб. М., 1920. С. 70.

²¹ РГВА. Ф. 10. Оп. 1. Д. 121. Л. 95.

²² Директивы командования фронтов Красной армии (1917 — 1922). Т. 1. С. 382.

²³ Имеется в виду Императорская Николаевская военная академия Генерального штаба, которая в тот момент находилась в г. Екатеринбурге.

²⁴ РГВА. Ф. 10. Оп. 1. Д. 121. Л. 103.

²⁵ Директивы командования фронтов Красной армии (1917 — 1922). Т. 1. С. 382; РГВА. Ф. 10. Оп. 1. Д. 121. Л. 96.

²⁶ РГВА. Ф. 106. Оп. 3. Д. 19. Л. 30 об. В советской историографии была распространена противоположная точка зрения, согласно которой виновником захвата г. Самары чехами являлся В. В. Яковлев, что неудивительно, учитывая его последующую судьбу: осенью 1918 г. он перешел на сторону противника. В 1927 г. вернулся в СССР, а в 1938 г. расстрелян.

²⁷ РГВА. Ф. 106. Оп. 3. Д. 19. Л. 32 — 32 об.; Приказ об отправке В. В. Яковлева со штабом «на Уральский фронт» был подписан Н. И. Подвойским 9 июня. Командующим войсками, действовавшими в районе Самара — Уфа, был назначен член ВВИ В. Н. Блохин (Директивы командования фронтов Красной армии (1917 — 1922). Т. 1. С. 374).

тельно, что В. В. Яковлев обрадовался назначению М. А. Муравьева, которого нужно было срочно отправить в Уфу вместо Н. И. Подвойского: «Теперь необходимо как можно скорее послать Муравьева в Уфу, так как сейчас еще есть надежда устроить оборону под Уфой. Боюсь, что Муравьев запоздает, а Подвойский испортит все дело, так как все советские силы и весь командный состав, кроме окружающих его генералов, Подвойского не слушают. Таким образом, присутствие Муравьева необходимо как можно скорее»²⁸. При этом сам В. В. Яковлев не хотел оставаться в Саратове: «Если Троцкий после заслушивания доклада прикажет возвратиться в Уфу, то я немедленно явлюсь туда вместе с Муравьевым или один»²⁹.

Тем не менее, М. А. Муравьев в первую очередь планировал посетить Западный Чехословацкий фронт А. Ф. Мясникова, Сызранская группа войск которого, начиная с 13 июня, из-за целого ряда причин (низкий уровень дисциплины военнослужащих, острый недостаток всего необходимого для ведения боевых действий, в том числе свежих и боеспособных подкреплений) стала отступать со стороны Самары в Сызрань. Присутствие членов РВС на данном участке также требовалось для передачи А. Ф. Мясниковым командования Чехословацким фронтом. Еще 13 июня он попросил вышестоящее начальство отправить его в отставку. В телеграмме, направленной С. И. Аралову, А. Ф. Мясников писал: «Ввиду назначения Муравьева настоятельно прошу по сдаче освободить меня от обязанностей»³⁰. Тогда же С. И. Аралов прислал А. Ф. Мясникову следующий ответ: «До прибытия Муравьева продолжайте исполнять свои обязанности»³¹. Поэтому в телеграмме Р. И. Берзину от 14 июня М. А. Муравьев писал: «Скоро сам приеду, поеду только налажу одну операцию на Волге и приведу в порядок войска»³².

Поезд РВС покинул Москву вечером 14 июня, а уже 16 июня прибыл на станцию Рузаевка [11]. К тому времени обстановка в Сызранской группе войск продолжала ухудшаться. 16 июня в адрес М. А. Муравьева поступила следующая телеграмма, подписанная А. Ф. Мясниковым: «Два разложившихся полка, Смоленский и Минский, во избежание распространения заразы на другие части отведены в Пензу. За ними самочинно проследовали 2 батареи Минского совдепа.

Во избежание возможного обхода со стороны чехословаков [4-й] латышский Видземский полк отведен [в] Сызрань, куда стянуты и остальные части. Штаб фронта перенесен на ст[анцию] Балашейка. Штаб группы стоит [в] Сызрани»³³. Однако, судя по информации, помещенной в приказе А. Ф. Мясникова № 15 от 17 июня, вечером 16 июня находившиеся в Сызрани воинские формирования покинули город, разгромив местный винный склад, и отошли в Инзу и Рузаевку. А. Ф. Мясников, в свою очередь, решил вместе со штабом фронта оставаться на передовых позициях «и ждать давно-жданных подкреплений вновь назначенного Главкомандующего Муравьева»³⁴.

В период кратковременного пребывания в Рузаевке члены РВС сделали несколько важных распоряжений, касавшихся Западного Чехословацкого фронта в целом и Сызранской группы войск в частности. Прежде всего П. А. Кобозевым, М. А. Муравьевым и Г. И. Благодородным был подписан декрет № 1 о назначении командующим 1-й армией А. И. Харченко, который был знаком с Главкомандующим еще по совместной службе на Украине в первой половине 1918 г.³⁵ [4; 5]. В документе отсутствуют какие-либо указания на территорию формирования нового объединения. Возможно, это было обусловлено тем, что у членов РВС на тот момент не было точных сведений о расположении войск Западного Чехословацкого фронта, из которых и планировалось создание 1-й армии.

Необходимо было приостановить и отступление Сызранской группы войск в тыл. 16 июня М. А. Муравьев, П. А. Кобозев и начальник штаба РВС К. И. Оглоблин направили в Пензу телеграмму, согласно которой местным властям приказывалось «во что бы то ни стало задержать эшелоны, самовольно покинувшие Сызрань, [и] не давать им паровозов». В случае их невозвращения на передовые позиции М. А. Муравьев обещал поступить с ними «как с изменниками революции»³⁶.

Примечательно, что только после отъезда из Москвы члены РВС приступили к сосредоточению в районе боевых действий свежих частей и подразделений. Известна лишь одна телеграмма, направленная М. А. Муравьевым и П. А. Кобозевым из столицы в Карачев Орловской губернии военному руководителю участка завесы³⁷. В документе сообщалось: «Немедлен-

²⁸ РГВА. Ф. 106. Оп. 3. Д. 19. Л. 30 об. — 31.

²⁹ Там же. Л. 32 об.

³⁰ Там же. Ф. 1. Оп. 2. Д. 28. Л. 151.

³¹ Там же. Ф. 106. Оп. 7. Д. 4. Л. 57 — 58 об.

³² Директивы командования фронтов Красной армии (1917 — 1922). Т. 1. С. 382.

³³ РГВА. Ф. 151. Оп. 2. Д. 2. Л. 79.

³⁴ Там же. Д. 1. Л. 13 — 13 об.

³⁵ Там же. Ф. 106. Оп. 1. Д. 2. Л. 3.

³⁶ Там же. Оп. 7. Д. 49. Л. 15.

³⁷ Завеса — система оперативных объединений, состоявших из отдельных отрядов. Создана Высшим военным советом для обороны демаркационной линии, установленной после Брестского мира в марте 1918 г., и прикрытия главных операционных направлений, ведущих к центрам страны, от возможных вторжений германских войск.

г. Сызрань. Вокзалъ жел. дор. № 43.

*Железнодорожный вокзал г. Сызрани. Открытка. Начало XX в.
Railway station in Syzran. Postcard. Beginning of the 20th century
(URL: <https://chronograph.livejournal.com/216970.html>)*

но отправьте броневой поезд, 2-й Петроградский³⁸ [и] Замоскворецкий полки в Пензу, где они получают дальнейшее назначение»³⁹. Следующая подобная телеграмма была отправлена уже 16 июня в г. Рязань, где находился 1-й Минский бронепоезд имени В. И. Ленина под командованием С. Гулинского. Согласно документу, ему необходимо было «принять самые энергичные меры к ремонту паровозов» для дальнейшего передвижения на фронт⁴⁰. Кроме того, 16 июня в Рузаевке к поезду РВС был прикреплен вагон с кухней санитарного поезда № 1 Красного Креста, несмотря на категорические протесты начальника последнего, направившего жалобу В. И. Ленину⁴¹.

18 июня члены РВС прибыли на расположенную недалеко от Сызрани станцию Балашейка, где находился А. Ф. Мясников вместе со штабом Чехословацкого фронта⁴². Начался сызранский период деятельности М. А. Муравьева, во время которого он предпринял попытку отбить город у противника. Достаточно подробное описание боевых действий под Сызранью было сделано в недатированном докладе, составленном фронтовым командованием практически сразу после завершения наступательной операции. В Российском государственном военном архиве этот документ хранится в двух машинописных экземплярах: оригинальном, подписанном М. А. Муравьевым, Г. И. Благонравовым и К. И. Оглоблиным⁴³, и исправленном, где, видимо, П. А. Кобозевым и Г. И. Благонравовым синим карандашом были внесены некоторые изменения в текст⁴⁴. Кроме того, о событиях, произошедших под Сызранью, М. А. Муравьев достаточно подробно рассказал С. И. Аралову в разговоре по прямому проводу⁴⁵.

Во время движения из Рузаевки на станцию Балашейка, где находился штаб А. Ф. Мясникова, члены РВС убедились в том, насколько сложной была обстановка в Сызранской группе войск. В докладе М. А. Муравьев сообщал: «Еще по дороге к фронту мы встре-

тили войсковые части, бросившие позиции на Волге левая⁴⁶. Этими же частями был произведен пьяный дебош в Сызрани, которую они самовольно также покинули. Таким образом, власть в Сызрани перешла в руки контрреволюционеров»⁴⁷. Аналогичная информация содержится в воспоминаниях участников событий. По словам О. Ю. Калнина, первые признаки прифронтовой полосы пассажиры поезда РВС заметили на станции Инза, где они «встретили первые войсковые эшелоны и бронированные автомобили»⁴⁸. На станции Барыш были обнаружены толпы пьяных красноармейцев, занимавшихся грабежами казенного имущества⁴⁹, а на станции Базарная Главнокомандующему пришлось лично задержать отступавший бронепоезд № 4 «Свобода или смерть», которым командовал А. В. Полупанов [7]. О. Ю. Калнин писал: «Главком Муравьев его оста-

навливает, созывает всю команду и произносит речь, из которой мы узнаем, что он вместе с Полупановским поездом уже раньше победоносно сражался на Украине и у Одессы. Главком Муравьев призывает всех их показать себя здесь точно так же храбрыми, как на юге. Муравьев говорит с увлечением, речь его сопровождается большими овациями и выкриками стойко бороться за Советскую власть»⁵⁰. Доверие М. А. Муравьева к А. В. Полупанову было настолько большим, что именно ему он дал задание бороться с дезертирством. Предположительно 18 июня начальник штаба РВС К. И. Оглоблин направил в адрес А. В. Полупанова следующую телеграмму: «Главнокомандующий вручает Вам охрану Инзы и приказывает не пропускать следующие с фронта самовольно эшелоны»⁵¹. По-видимому, в тот же день А. В. Полупанов получил еще одну телеграмму, подписанную всеми членами РВС: «Задержать и оставить в моем (М. А. Муравьева. — Е. Н.) распоряжении [в] Инзе идущий [к] Вам следом эшелон 1-й легкой Смоленской Советской батарее»⁵².

³⁸ 2-й Петроградский морской батальон прибыл на Восточный фронт и вошел в состав 1-й армии в начале июля 1918 г. (РГВА. Ф. 157. Оп. 2. Д. 569. Л. 311 — 313).

³⁹ РГВА. Ф. 106. Оп. 7. Д. 5. Л. 72.

⁴⁰ Там же. Д. 49. Л. 17.

⁴¹ Там же. Ф. 1. Оп. 2. Д. 28. Л. 180.

⁴² Там же. Д. 5. Л. 4.

⁴³ Там же. Л. 4 — 5 об.

⁴⁴ Там же. Оп. 3. Д. 58. Л. 17 — 18 об.

⁴⁵ Там же. Ф. 106. Оп. 7. Д. 25. Л. 92 — 100.

⁴⁶ Имеется в виду левый берег р. Волги.

⁴⁷ РГВА. Ф. 106. Оп. 7. Д. 5. Л. 4.

⁴⁸ Калнин О. Ю. Указ. соч. С. 70.

⁴⁹ Там же; Чешско-Словацкий (Чехословацкий) корпус. 1914 — 1920: док. и материалы: в 2 т. М., 2018. Т. 2. С. 893.

⁵⁰ Калнин О. Ю. Указ. соч. С. 70.

⁵¹ РГВА. Ф. 106. Оп. 7. Д. 49. Л. 25.

⁵² Там же. Л. 27.

После приезда на станцию Балашейка РВС принял у А. Ф. Мясникова руководство войсками. Об этом указывалось в приказе по Западному Чехословацкому фронту № 16 от 18 июня 1918 г. В документе также сообщалось о передаче штаба, дел, наличных денег и военного имущества⁵³ [11, с. 19]. Тогда же было принято решение о подготовке к наступательной операции с целью возвращения Сызрани. Основная проблема заключалась в том, что в распоряжении членов РВС практически не было достаточного количества боеспособных и дисциплинированных вооруженных сил. М. А. Муравьев в докладе писал, что численность Сызранской группы войск сократилась с 2 500 чел.⁵⁴ при 30 орудиях до 300 чел. с 4 орудиями⁵⁵. Поэтому 18 июня РВС приступил к сосредоточению в Балашейке частей и подразделений отступившей в тыл Сызранской группы войск, а также долгожданных свежих подкреплений. Так, по железнодорожной линии Патрикеево — Москва-Казанская, где располагались Боевой отряд ВЧК и 1-й Минский бронепоезд имени В. И. Ленина, начальником штаба К. И. Оглоблиным было разослано следующее предписание: «Главкомандующий приказал ехать до Рузаевки, где ждать распоряжений»⁵⁶. Причина, по которой указанные подразделения должны были сначала двигаться в Рузаевку, а не в сторону Сызрани, раскрывается в другом документе. Речь в нем шла о поручении, которое было дано М. А. Муравьевым начальнику Рузаевского штаба по борьбе с чехословаками Д. И. Архангельскому, который должен был задержать в Рузаевке направлявшиеся на фронт войска, обеспечить их обмундированием, снаряжением и вооружением [6, с. 265]. Однако не успели командиры выполнить приведенный выше приказ, как в их адрес был направлен новый. В телеграммах содержалось требование членов РВС «в экстренном порядке» следовать из Рузаевки в сторону Сызрани⁵⁷.

В тот же день М. А. Муравьев предпринял попытку вернуть из Пензы на фронт находившиеся там части и подразделения, которые должны были «двинуться вперед в Сызрань, где ждать дальнейших распоряжений»⁵⁸. Здесь М. А. Муравьев впервые столкнулся с нежеланием солдат принимать участие в боевых действиях. Из телеграммы, отправленной Главкомандующим в Пензу, известно, что приказ о вы-

ступлении на передовые позиции не выполнил Минский полк, который, судя по содержанию документа, был М. А. Муравьеву также хорошо знаком: «Не могу поверить, чтобы мои минцы отказались идти [в] такую минуту в бой. От взятия Сызрани зависит судьба нашей революции. Я наступаю с головным отрядом и свежими московскими силами со стороны Балашейки. Помнящие наши украинские бои минцы не оставят своего главнокомандующего. Приказываю продвигаться минцам с батареей на Сызрань»⁵⁹. К сожалению, в имеющихся в нашем распоряжении документах отсутствует информация о причинах подобного поведения Минского полка. Однако, учитывая тот факт, что еще с 10 июня⁶⁰ представители командного и рядового составов данной части неоднократно выступали перед вышестоящим начальством с требованиями о снабжении их всем необходимым, которые, как уже сообщалось выше, выполнены не были, можно предположить, что и 18 июня основные претензии военнослужащих к руководству были точно такие же. Так или иначе, М. А. Муравьеву не удалось убедить Минский полк участвовать в наступлении на Сызрань. По-видимому, аналогичную позицию занимал Смоленский полк, который также остался в Пензе. В сложившейся ситуации Главкомандующему пришлось привлечь к штурму города бронепоезд № 4 «Свобода или смерть» А. В. Полупанова, которому предписывалось в экстренном порядке спешить в Балашейку⁶¹. Итак, в распоряжении М. А. Муравьева удалось сосредоточить лишь бронепоезд А. В. Полупанова и Боевой отряд ВЧК общей численностью 800 чел. пехоты, 14 орудий и 40 кавалеристов⁶². Главкомандующий называл их верными и сравнительно приличными. Однако Боевой отряд ВЧК, по словам М. А. Муравьева, «уже ранее показавший себя с дурной стороны под Самарой, не внушал и теперь доверия»⁶³. Помимо указанных подразделений в распоряжении М. А. Муравьева имелись 1-й Минский бронепоезд имени В. И. Ленина, Курский бронированный дивизион, Интернациональный отряд, а также 4-й латышский полк. Некоторые из перечисленных воинских формирований находились в пути. Остальная часть являлась резервом.

Наступательная операция началась утром 19 июня. Причина, по которой М. А. Муравьев решил штурмо-

⁵³ РГВА. Ф. 151. Оп. 2. Д. 1. Л. 14. Б. Н. Чистов и М. А. Жохов ошибочно сообщали, что М. А. Муравьев не стал оформлять сдачи и приема командования Западным Чехословацким фронтом.

⁵⁴ По другим сведениям, численность Сызранской группы войск перед уходом из Сызрани составляла 3 500 чел. (РГВА. Ф. 106. Оп. 7. Д. 25. Л. 93).

⁵⁵ РГВА. Ф. 106. Оп. 7. Д. 5. Л. 4.

⁵⁶ Там же. Д. 49. Л. 23.

⁵⁷ Там же. Л. 41, 43.

⁵⁸ Там же. Л. 38.

⁵⁹ Там же. Л. 2 — 4.

⁶⁰ Там же. Ф. 151. Оп. 1. Д. 1. Л. 16, 64, 65, 68.

⁶¹ Там же. Ф. 106. Оп. 7. Д. 49. Л. 36.

⁶² Там же. Д. 5. Л. 4.

⁶³ Там же. Д. 25. Л. 93. М. А. Муравьев имел в виду самовольный уход отряда с участка боевых действий 9 июня 1918 г. (РГВА. Ф. 106. Оп. 7. Д. 4. Л. 24).

вать Сызрань «внезапной атакой», не дожидаясь сосредоточения всех вооруженных сил, была обусловлена тем, что в городе «не было чехословацких войск, а организующиеся белогвардейские отряды пока считались не боеспособными»⁶⁴. В докладе М. А. Муравьев писал, что в первый день непосредственное руководство войсками осуществлял командующий 1-й армией А. И. Харченко, в то время как Главнокомандующий находился в штабе на станции Балашейка, откуда периодически отдавал приказания⁶⁵. Еще 18 июня начальник штаба К. И. Оглоблин телеграфировал начальнику головного отряда Королеву, который, вероятно, занимал ближайшие к Сызрани позиции: «Главнокомандующий приказал Вам немедленно прочно занять линию реки Сызрань и мост через нее. Через полчаса броневой поезд [№ 4 «Свобода или смерть» А. В. Полупанова] и отряд броневых машин (Курский бронированный дивизион. — Е. Н.) выйдет [из] Балашейки [в] Сызрань»⁶⁶. Из доклада становится известно, что М. А. Муравьев планировал захватить город быстрым налетом бронетехники при «поддержке полевой артиллерии». Однако воплотить в жизнь указанный замысел не удалось: «Противник, [по-ви]димому, ожидая этого, испортил железную дорогу и мосты. Тогда я стал исполнять план планомерным наступлением силами всего отряда. Слухи о приближении чехов на помощь сызранцам еще более укрепили мою решимость захватить [город] до прибытия последних»⁶⁷. Достаточно подробное описание первой атаки красноармейцев в своих воспоминаниях привел О. Ю. Калнин. Он сообщал, что первоначально из Сызрани «нам совершенно не отвечали, а только через некоторое довольно продолжительное время, и то очень редко». Однако по мере продвижения в город «пулеметный и ружейный огонь противника все начал усиливаться...»⁶⁸. Тем не менее, по словам М. А. Муравьева, «к вечеру отряд ворвался на ст[анцию] жел[езной] дор[оги] и начал укрепляться в предместьях города, но здесь войска встретили упорное сопротивление со стороны населения, причем из каждого дома войска поражались пулеметным, ружейным огнем и бомбами, а офицеры, которых в Сызрани было около ...⁶⁹ человек, атаковали нас, но войска удержались на некоторое время»⁷⁰. Из текста доклада становится известно, что к вечеру 19 июня численность отрядов противника составила «около 3 тысяч человек офицеров, студентов и местной учащейся молодежи, при нескольких тяжелых орудиях, брошенных советскими войсками с массой огнестрельных припасов»⁷¹. Причину подобного отношения жителей города к красноармейцам раскрыл член Военного штаба Комуча В. И. Лебедев. В воспоминаниях он писал, что 16 июня перед уходом из Сызрани большевики расстреляли нескольких рабочих и представителей профсоюзов за то, что они в конце мая повлияли на решение местного совета беспрепятственно пропустить чехословацкие эшелоны в сторону Самары: «Весьма понятно, какой ужас и какое озлобле-

ние вызвало это зверское убийство в рабочей среде, и поэтому, когда бежавшая советская власть попробовала вернуться в Сызрань, рабочие и железнодорожники вместе с населением города, вооружившись чем попало, вышли за стены города и дали такой жестокий отпор большевистским войскам, что те принуждены были отступить...»⁷².

Так или иначе, первый успех приободрил М. А. Муравьева, который сразу же решил доложить о нем в Наркомвоен. 19 июня он сообщал, что «войска дерутся превосходно»⁷³. Уверенность в своих силах была очень большая. В телеграмме, направленной в тот же день в Петроградское телеграфное агентство и Наркомвоен, отмечалось, что прибывшие на фронт свежие и сильные подкрепления «сегодня снова займут Сызрань, в которой на несколько часов водворились слабые группы белогвардейцев»⁷⁴. Кроме того, М. А. Муравьев впервые обратил внимание на некоторые трудности, с которыми он столкнулся при налаживании управления войсками: «Не хватает технических средств и сил... Сейчас слишком занят, ибо у нас не хватает штабных работников. Присылайте штабных офицеров бывших Генштаба»⁷⁵.

Вскоре все надежды на благоприятное завершение наступательной операции рухнули. М. А. Муравьев в докладе писал: «Хотя противник с наступлением темноты и не беспокоил наши войска, а скорее мы продолжали ожесточенно бомбардировать город, который горел, наши отряды, немного полежав, один за другим оставили свои позиции, придумав массу неосновательных поводов»⁷⁶. В разговоре по прямому проводу с С. И. Араловым он сообщал, что «первым зачинщиком преступления был финский отряд Попова», т. е. Боевой отряд ВЧК. М. А. Муравьев отмечал, что причиной отступления стала темнота⁷⁷. П. А. Кобозев и Г. И. Благонравов в исправленной копии доклада добавляли, что солдаты устали за день⁷⁸. Некоторые участники событий отмечали, что красноармейцев сильно напугали артиллерийские выстрелы со стороны противника. Об этом, например, писал автор статьи «Переживания Сызрани», опубликованной в левоэсеровской

⁶⁴ РГВА. Ф. 106. Оп. 7. Д. 5. Л. 4.

⁶⁵ Там же. Л. 4 об.

⁶⁶ Там же. Д. 49. Л. 53.

⁶⁷ Там же. Д. 5. Л. 4 об.

⁶⁸ Калнин О. Ю. Указ. соч. С. 71.

⁶⁹ Неразборчиво.

⁷⁰ РГВА. Ф. 106. Оп. 7. Д. 5. Л. 4 об.

⁷¹ Там же. Л. 4.

⁷² Лебедев В. Борьба русской демократии против большевиков: зап. очевидца и участника свержения большевист. власти на Волге и в Сибири // 1918 год на Востоке России. М., 2003. С. 180.

⁷³ РГВА. Ф. 1. Оп. 3. Д. 82. Л. 193.

⁷⁴ Там же. Ф. 106. Оп. 7. Д. 5. Л. 3.

⁷⁵ Там же. Ф. 1. Оп. 3. Д. 82. Л. 193.

⁷⁶ Там же. Ф. 106. Оп. 7. Д. 5. Л. 4 об.

⁷⁷ Там же. Д. 25. Л. 93 — 95.

⁷⁸ Там же. Ф. 1. Оп. 3. Д. 58. Л. 17 об.

газете «Земля и Воля»⁷⁹. Похожая информация приводилась в воспоминаниях А. В. Полупанова⁸⁰. По словам М. А. Муравьёва, к утру 20 июня передовые позиции покинуло $\frac{2}{3}$ от численности наступательной группы, в том числе Боевой отряд ВЧК и бронепоезд № 4 «Свобода или смерть»⁸¹.

Практически сразу при помощи имевшихся в распоряжении М. А. Муравьёва резервных подразделений — 1-го Минского бронепоезда имени В. И. Ленина, Курского броневоего и Интернационального отрядов, который в основном состоял из китайцев, — была предпринята еще одна попытка захватить город. Несмотря на то что указанные войска вместе с Главкомандующим отправились из Балашейки в сторону Сызрани еще вечером 19 июня, пробиться на передовые позиции сквозь забитую различными эшелонами железнодорожную линию удалось лишь к утру 20 июня⁸²: «Удаление этих составов потребовало около 10-ти часов, причем чья-то невидимая рука устроила несколько крушений. Между прочим, был пущен поезд на штаб РВС, а также в водокачках вдруг оказались заколочены трубы»⁸³. В разговоре по прямому проводу с С. И. Араловым М. А. Муравьёв обвинял во всех неудачах враждебно относившихся к советской власти железнодорожников⁸⁴. Аналогичной точки зрения придерживался П. А. Кобозев [11, с. 21].

Еще одной проблемой, с которой столкнулся М. А. Муравьёв при подготовке второй атаки на Сызрань, стал конфликт с 4-м латышским полком, который не принял участие в первом наступлении на город. М. А. Муравьёв в докладе писал, что в критический момент «вызванные латыши на помощь не пошли»⁸⁵. Его слова подтверждаются сведениями, приведенными врид политкома Латышской дивизии К. Х. Данишевским, который по результатам инспекционной поездки в 1-ю армию составил доклад, направленный в Наркомвоен 29 июня. В документе сообщалось: «Были случаи не исполнения начальником 4-го полка (Я. Азенем. — Е. Н.) приказов. Он объясняет это несуразностью этих приказов и недостаточностью сил»⁸⁶. С высокой долей вероятности можно утверждать, что К. Х. Данишевский имел в виду именно приказ М. А. Муравьёва о штурме Сызрани. Возможно, что командир 4-го латышского полка высказал свою точку зрения относительно планов М. А. Муравьёва в неприемлемом тоне, о чем свидетельствует еще одна фраза из доклада К. Х. Данишевского, где последний дает характеристику Я. Азену: «Он человек с открытой душой и резко говорит правду в глаза: это объясняет его столкновения на личной почве с тов. Муравьёвым и др.»⁸⁷. Главкомандующему подобная дерзость, очевидно, не понравилась. В докладе он писал, что «командир полка и его помощник (Я. Я. Лацис. — Е. Н.) крайне резко держали себя с Революционно-военным Советом»⁸⁸. Согласно воспоминаниям О. Ю. Калнина, последнему удалось убедить М. А. Муравьёва попытаться привлечь 4-й латышский полк к участию в наступатель-

ной операции: «Я отправился немедленно в путь и в тот же вечер прибыл со стрелками на ст. Безводовка»⁸⁹. Похожая информация содержится в воспоминаниях А. В. Полупанова, который приводил следующие слова М. А. Муравьёва во время его встречи с солдатами бронепоезда № 4 «Свобода или смерть»: «Вам на помощь идет полк латышских стрелков.. Правда, надежда на латышей небольшая, — губы главкома скривились в презрительную усмешку, — но биться они будут»⁹⁰. Вероятно, последняя фраза отражает сложившееся негативное отношение М. А. Муравьёва к командиру 4-го латышского полка Я. Азену, который осмелился оспаривать его приказы. Впоследствии Главкомандующий неоднократно выступал с критикой данной части. В докладе он писал, что еще во время пребывания в Сызрани 16 июня 4-й латышский полк первым начал разгром винного склада и впоследствии одним из первых покинул город⁹¹. В разговоре с С. И. Араловым М. А. Муравьёв был настроен более воинственно: «Заставить его (4-й латышский полк. — Е. Н.) подчиниться я пока не имею реальных сил, но, безусловно, я его уничтожу, как только эти силы у меня будут, ибо полк думает вернуться в Москву и развратить всю дивизию из всех войск»⁹². В итоге, согласно воспоминаниям О. Ю. Калнина, Главкомандующий передумал привлечь латышей к участию в боевых действиях: «Дальше же пропустить нас штаб Муравьёва, который находился на ст. Балашейка, категорически отказался, несмотря на все мои увещевания. Я запрашивал по этому поводу начальника штаба Муравьёва тов. Оглоблина, но тот по телефону отвечал, что от главкома Муравьёва приказ о дальнейшей отправке полка не поступил и что мы должны ждать распоряжений»⁹³.

Вопреки перечисленным трудностям М. А. Муравьёв в итоге смог остановить отступление и организовать контр наступление [9, с. 34 — 35]. По-видимому, именно в тот момент Главкомандующий взял в свои руки управление вооруженными силами, что дало повод советским исследователям Б. Н. Чистову и М. А. Жохову обвинить М. А. Муравьёва во вмешательстве

⁷⁹ Мусин-Пушкин А. Переживания Сызрани // Земля и Воля. 1918. 14 (27) июня.

⁸⁰ Полупанов А. В. Бронепоезд «Свобода или смерть» № 4. Полупановцы: воспоминания командира бронепоезда. Л., 1939. С. 50.

⁸¹ РГВА. Ф. 106. Оп. 7. Д. 25. Л. 95.

⁸² Там же.

⁸³ Там же. Д. 5. Л. 4 об.

⁸⁴ Там же. Д. 25. Л. 95.

⁸⁵ Там же.

⁸⁶ Там же. Ф. 1. Оп. 2. Д. 45. Л. 140.

⁸⁷ Там же.

⁸⁸ Там же. Ф. 106. Оп. 7. Д. 5. Л. 4.

⁸⁹ Калнин О. Ю. Указ. соч. С. 71.

⁹⁰ Полупанов А. В. Указ. соч. С. 51.

⁹¹ РГВА. Ф. 106. Оп. 7. Д. 5. Л. 4.

⁹² Там же. Л. 93.

⁹³ Калнин О. Ю. Указ. соч. С. 71.

в обязанности А. И. Харченко из-за стремления путем прогнозируемого победного возврата Сызрани поднять авторитет в войсках. Причем А. И. Харченко якобы «отнесся к этому равнодушно и уехал на станцию Инза устраивать свой штаб» [11, с. 20]. Учитывая тот факт, что М. А. Муравьев выехал из Балашейки в сторону Сызрани еще вечером 19 июня, вполне возможно, что именно тогда им было принято решение отправить А. И. Харченко в Инзу заниматься организацией штаба 1-й армии. Об этом свидетельствует директива о создании 1-й армии, подписанная фронтовым командованием именно 19 июня. В документе сообщалось, что А. И. Харченко должен был «объединить войска, расположенные в сызрано-симбирском направлении», а также выполнить еще несколько важных поручений⁹⁴.

Однако закрепиться на ранее занятых позициях М. А. Муравьеву не удалось, «несмотря на сильную артиллерийскую подготовку, прибытие подкрепления вроде броневоего поезда [имени В. И. Ленина]⁹⁵, который равняется по силе целому полку, несмотря на уговоры и на личный пример некоторых войсковых начальников»⁹⁶. О. Ю. Калнин вспоминал: «Первая цепь, достигшая улицы города, была отбита огнем. Вторая попытка гр. Муравьева втянуть в город части Интернационального полка, который состоял из китайцев, тоже кончилась поражением. Китайцы храбро рвались вперед, но на первой же улице были окружены и перебиты пулеметным огнем из застав противника. Самый исход боя был ясен уже с самого начала. Победы не могло быть за нами потому, что нам пришлось идти на укрепление и пулеметный огонь. Применить способы наступления обходами не было возможности: во-первых, потому, что почти у всех отрядов и полков не было подвод, необходимых для передвижения без помощи железных дорог, чтобы отойти от нее хотя бы на 10 верст; во-вторых, не было также походных кухонь, перевозочных средств и санитаров»⁹⁷.

После того как стало понятно, что в распоряжении М. А. Муравьева не осталось необходимого количества боеспособных сил, противник «перешел в наступление и окончательно отбросил оставшиеся кучки войск»⁹⁸. Причем неприятель, согласно сведениям Главнокомандующего, ничего серьезного из себя не представлял: «Как и следовало ожидать, разбредшиеся войска бро-

сились бежать перед небольшим отрядом белогвардейцев, состоявшим в большинстве из учащейся молодежи, руководимой офицерами. Отряд прекрасно наступал»⁹⁹. Примечательно, что согласно разговору по прямому проводу с С. И. Араловым, М. А. Муравьев до последнего был уверен в успехе своей операции: «Я три раза с ничтожной горсточкой людей лично ходил в контратаку, и если бы изменившие своему долгу наши банды не убежали, то мы снова взяли бы Сызрань, так как при каждом нашем переходе в контр-наступление белогвардейцев мы отбрасывали, но, в конце концов, пришлось отойти, ибо я остался один на поле сражения с броневым поездом, который расстрелял все снаряды»¹⁰⁰. В докладе М. А. Муравьев также отмечал: «В описанной картине боя при отступлении особенно проявил мужество броневой поезд имени Ленина, спасая положение, чуть сам не погиб»¹⁰¹. В сложившихся условиях М. А. Муравьев принял решение прекратить тщетные попытки отбить Сызрань и отправился в Казань, где планировалось формирование штаба Восточного фронта.

Несмотря на то что в течение первой недели пребывания в должности Главнокомандующего М. А. Муравьев больше времени провел в сборах, дороге или боях, уже тогда им были намечены первые мероприятия по организации вооруженных сил на востоке страны. Так, вместо временных «фронтов», групп и направлений началось создание полноценных армейских объединений (1, 2 и 3-я армии), штабы которых комплектовались квалифицированными военными специалистами. Сызранская наступательная операция, провалившаяся из-за переоценки М. А. Муравьевым собственных сил и недооценки возможностей войск противника, на практике продемонстрировала ключевые недостатки организации Красной армии, которые необходимо было исправить как можно скорее. Например, уже тогда Главнокомандующий столкнулся с неспособностью или нежеланием вышестоящего начальства оказывать ему поддержку при обеспечении Красной армии всем необходимым для ведения боевых действий, в частности, бывшими офицерами, а также достаточным количеством снабженных вооружением и снаряжением подкреплениями.

(Продолжение следует)

⁹⁴ Боевой путь Первой революционной армии Восточного и Туркестанского фронтов. Июнь 1918 — февраль 1921 гг.: сб. док. и материалов. Ашхабад, 1972. С. 25.

⁹⁵ По другим сведениям, бронепоезд не принял полноценное участие в боевых действиях из-за разрушенных железнодорожных путей (РГВА. Ф. 106. Оп. 7. Д. 25. Л. 95).

⁹⁶ РГВА. Ф. 106. Оп. 7. Д. 5. Л. 4 об. — 5.

⁹⁷ Калнин О. Ю. Указ. соч. С. 71.

⁹⁸ РГВА. Ф. 106. Оп. 7. Д. 25. Л. 95.

⁹⁹ Там же. Д. 5. Л. 4 об. — 5.

¹⁰⁰ Там же. Д. 25. Л. 95 — 96.

¹⁰¹ Там же. Д. 5. Л. 4 об. — 5.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Авдонин А. Н. В жерновах революции: Документ. очерк о комиссаре В. В. Яковлеве. Екатеринбург, 1995. 223 с.
2. Ганин А. В. Попытка упразднения Восточного фронта летом 1918 года.: Малоизвестный эпизод советского военного строительства // Военно-исторический журнал. 2016. № 8. С. 14 — 18.
3. Ганин А. В. Измена командармов: Представители высшего командного состава Красной армии, перешедшие на сторону противника в годы Гражданской войны в России 1917 — 1922 гг. М., 2020. 800 с.
4. Ганин А. В. Командарм Александр Харченко: кто он? // Архив в социуме — социум в архиве: материалы шестой Всерос. науч.-практ. конф. Челябинск, 2023. С. 156 — 159.
5. Ганин А. В. «Публика кричала, чтобы меня немедленно расстрелять...»: Командарм Харченко между красными и белыми // Исторический вестник. 2024. Т. 47. С. 236 — 269.
6. Наумов Е. О. «Муравьев всячески мешал сосредоточению первой армии»: к вопросу о роли командующего Восточным фронтом в создании 1-й армии летом 1918 года // Известия Саратовского университета. Нов. сер. Сер.: История. Международные отношения. 2017. Т. 17, вып. 2. С. 262 — 268.
7. Наумов Е. О. Турик бронепоезда «Свобода или смерть»: Метания его отчаянного командира Андрея Полупанова в хитросплетениях Гражданской войны // Родина. 2024. № 2. С. 114 — 117.
8. Ненароков А. П. Восточный фронт. 1918. М.: Наука, 1969. 280 с.
9. Симонов А. А. Главком М. А. Муравьев и создание Восточного фронта // Известия Саратовского университета. Нов. сер. Сер.: История. Международные отношения. 2013. Т. 13, вып. 1. С. 31 — 38.
10. Стариков С. В. Левые социалисты в Великой Российской революции. Март 1917 — июль 1918 гг. (на материалах Поволжья). Йошкар-Ола: Мар. гос. ун-т, 2004. 560 с.
11. Чистов Б. Н., Жохов М. А. Посланец партии: Очерк военно-полит. деятельности П. А. Кобозева на Восточном фронте (1918 — 1919 гг.). М.: Воениздат, 1980. 158 с.

Информация об авторе:

Евгений Олегович Наумов, старший научный сотрудник отдела истории Научно-исследовательского института гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия (430005, Россия, г. Саранск, ул. Л. Толстого, д. 3), кандидат исторических наук, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5808-4022>, naumoveo@mail.ru

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Статья поступила в редакцию 17.06.2024; одобрена после рецензирования 09.07.2024; принята к публикации 15.07.2024.

Original article

“WAR AND PEACE” OF MIKHAIL ARTEMYEVICH MURAVYEV: MOSCOW – RUZAEVKA – SYZRAN (JUNE 13 – 20, 1918)

Part 1

E. O. Naumov

Research Institute of the Humanities by the Government
of the Republic of Mordovia, Saransk, Russia
naumoveo@mail.ru

Abstract

The article analyzes the first stage of the military-organizational activities of the commander of the Eastern Front M. A. Muravyev, one of the most controversial leaders of the Red Army during the Russian Civil War of 1917 — 1922. The source base for the research was, first of all, documents from the Russian State Military Archive (RGVA), which are introduced into scientific circulation for the first time. The study of this array of materials was carried out using general scientific (analysis, synthesis, deduction, induction) and historical methods (descriptive, historical-genetic, historical-comparative, historical-systemic). As a result, the following conclusions were made. During the first week of his tenure as commander of the Eastern Front, M. A.

Muravyev, on the basis of various “fronts”, groups and directions, outlined the foundation of the first three armies (the 1st, 2nd and 3rd), and also began staffing the headquarters of some of them with qualified military specialists. In addition, with the help of units of the 1st Army, on June 18 — 20, 1918, he attempted to capture Syzran, which had been lost a few days earlier. Despite the unsuccessful completion of the offensive operation M. A. Muravyev, using the example of the troops of one combat sectors, did not get the most positive idea of the Red Army, which needed to be urgently reorganized.

Keywords: Civil War, Red Army, Eastern Front, Middle Volga region, Mikhail Artemyevich Muravyev, Revolutionary Military Council

For citation: Naumov EO. “War and Peace” of Mikhail Artemyevich Muravyev: Moscow — Ruzaevka — Syzran (June 13 — 20, 1918). Part 1. *Center and Periphery*. 2024;19(3):91—103. EDN JWOFHS

REFERENCES

1. Avdonin AN. In the millstones of the revolution: Documentary essay about commissar V. V. Yakovlev. Ekaterinburg;1995. (In Russ.)
2. Ganin AV. An attempt of abolition of the Eastern Front in the summer of 1918: A little-known episode of Soviet military buildup. *Military Historical Journal*. 2016;(8):14—18. (In Russ.)
3. Ganin AV. Treason of army commanders. Representatives of the senior command staff of the Red Army who defected to the enemy during the Civil War in Russia 1917 — 1922. Moscow;2020. (In Russ.)
4. Ganin AV. Army commander Alexander Kharchenko: who is he? *Archive in society — society in the archive*. Materials of the sixth All-Russian scientific and practical conference. Chelyabinsk;2023:156—159. (In Russ.)
5. Ganin AV. “The audience shouted demanding my immediate execution...” Army commander Kharchenko between the Reds and the Whites. *Historical Bulletin*. 2024;47:236—269. (In Russ.)
6. Naumov EO. “Muravyev in every way prevented the concentration of the First army”: on the role of the East Front commander in the formation of the First army in the summer of 1918. *Izvestia of Saratov University. History. International. Relations*. 2017;17(2):262—268. (In Russ.)
7. Naumov EO. Dead end of the armored train “Freedom or Death”: The tossing of its desperate commander Andrei Polupanov in the intricacies of the Civil War. *Motherland*. 2024;(2):114—117. (In Russ.)
8. Nenarokov AP. Eastern front. 1918. Moscow;1969. (In Russ.)
9. Simonov AA. Commander-in-Chief M. A. Muravyev and the creation of the Eastern Front. *Izvestia of Saratov University. History. International. Relations*. 2013;13(1):31—38. (In Russ.)
10. Starikov SV. Left socialists in the Great Russian Revolution. March 1917 — July 1918 (on the Volga region). Yoshkar-Ola;2004. (In Russ.)
11. Chistov BN., Zhokhov MA. Party messenger. Essay on the military-political activities of P. A. Kobozev on the Eastern Front (1918 — 1919). Moscow;1980. (In Russ.)

Information about the author:

Evgeny O. Naumov, Senior Researcher of Department of History of the Research Institute of the Humanities by the Government of the Republic of Mordovia (3 L. Tolstogo Str., Saransk 430005, Russia), Candidate of Historical Sciences, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5808-4022>, naumoveo@mail.ru

Conflict of interests: the author declares no conflict of interests.

The author has read and approved the final version of the manuscript.

The article was submitted 17.06.2024; approved after reviewing 09.07.2024; accepted for publication 15.07.2024.